

ВМЕСТЕ ИНАИМ

Ежемесячная газета Черкасского областного благотворительного
еврейского фонда „Турбота поколень – Хэсэд Дорот“
Издаётся с декабря 2000 года.

Элул 5783 – Тишрей 5784 сентябрь 2023 №9(261)

Суккот, Шмини Ацерет и Симхат Тора

Суккот. Нет праздника благоуханнее Суккот. Он наполнен запахом листвы и свежесрезанных веток, ароматами мирты и этрога. В дни Суккот еврейские города или районы, где живут евреи, превращаются в зелёный сад от появления множества шалашей, украшенных яркой зеленью. В этих шалашах, называемых сукка (хижина на иврите), живут, пируют и славят Вс-вышнего все семь дней праздника. А вечерами, когда обитатели сукки зажигают огни, хорошо видимые сквозь крыши лёгких построек, на еврейских улицах словно вспыхивают тысячи холодных костров. И он самый весёлый из еврейских праздников. Если Песах – время нашего освобождения, а Шавуот – дарования Торы, то Суккот – это праздник радости нашей, чистой радости во славу Создателя. Он наступает через четыре дня после Йом Кипура.

„Над нами всеми суд в Рош а-Шана, а приговор выносится в Судный день“. Уверенные, что Он простил нас, „вписал и запечатал“ в счастливый год, и благодарные Ему, мы вступаем в Суккот, полный веселья и радости, украшенный зеленью и своеобразными мицвот. В Торе сказано: «В пятнадцатый день седьмого месяца (Тишрей), когда вы собираете плоды земли, празднуйте праздник Вс-вышнего семь дней: в день первый покой и в день восьмой покой. И возьмите себе в первый день плод дерева красивого (этрог), ветви пальмовые и отростки дерева густолиственного, и верб речных, и веселитесь перед Б-гом, Всесильным вашим, семь дней. И празднуйте этот праздник Вс-вышнему семь дней в году: (это) устав вечный в поколения ваши; в седьмой месяц празднуйте его. В сукке живите семь дней... дабы знали поколения ваши, что в сукку поселил Я сынов Израилевых, когда вывел их из земли египетской...».

Сорок лет провели в шалашах наши далёкие предки, продвигаясь к Обетованной Земле. Их не беспокоила прочность крыши над головой. Им сопутствовали защитные „облака славы“. И в трудную минуту они полагались на поддержку Вс-вышнего. Но, обретая свою Землю и поселившись в прочных, надёжных домах, они ежегодно уходили на семь дней под кровлю временных хижин. Эта заповедь навсегда осталась нашей благодарностью Б-гу и памятью об Исходе из Египта. Однако мы не селились в сукке на Песах, в пору нашего Исхода, ибо весной – обычное для всех народов время перебираться на летние дачи, и смысл нашего переселения не был бы очевиден. Мы делаем это осенью, в пору дождей и ненастья, подчёркивая тем самым, что цель нашей жизни в сукке – только выполнение заповеди Вс-вышнего. Сегодня, переходя из удобного дома в неблагодарную сукку, мы делаем это исключительно в память об избавлении народа от рабства и славим тем самым чудо Его и святое Его провидение.

Есть и другое название у Суккот – праздник уборки урожая. Он всегда выпадает на осень, на пору окончания летней страды, когда урожай полей, садов и виноградников стекает в амбары. Что может быть радостнее для земледельца зрелища обильных плодов его труда! Однако при виде щедрого изобилия он способен возгордиться: „Всё это принесло моё умение и сила!“ И, позабыв о Б-ге, о духовных ценностях, кичливо вообразить, что цель его жизни – накопление богатства.

В своей бесконечной мудрости Б-г повелел именно в это время – время осеннего изобилия – переселяться в скромную сукку. В предписании Торы жить в них семь дней содержится глубокий нравственный смысл: выйдя из постоянного жилища, человек, „дабы сердце твоё не возносило“, и не думай – „это сила моя и крепость руки моей доставили мне богатство“. Именно в дни личной радости вспомни, как предки твои кочевали по Синайской пустыне, и поверь: даже в этом хрупком убежище Б-г защитит тебя и пошлёт процветание.

А если усилия человека были напрасны, и земля обделила его урожаем, тем более может обрести он надежду и силу в сукке, вспоминая, как Б-г на протяжении сорока лет поддерживал евреев в пустыне.

Даже в молитвах Суккот называется не иначе, как время нашей радости. Пишет Рамбам: „Радость, которую испытывает человек при исполнении заповеди Б-га из любви к Б-гу, есть великое служение. И нет большего величия и чести, чем веселиться во имя Вс-вышнего“.

Одна из самых важных заповедей Суккот – мицва „четырёх растений“. Тора предписывает нам взять лулав – длинный нераспустившийся побег финиковой пальмы, этрог – цитрусовый плод, похожий на лимон, адасим – веточки пахучей мирты и аравот – ветви скромной ивы. Мы присоединяем адасим и аравот к лулав и, держа их рядом с этрогом, произносим особое благословение над всеми четырьмя растениями. Мидраш объясняет значение этой мицвы следующим образом.

Этрог. Как этрог сочетает приятный вкус и чудесный аромат, так и среди народа Израиля есть люди, глубоко изучившие Тору и выполняющие все мицвот. (Вкус здесь символизирует наслаждение и удовольствие от изучения Торы).

Лулав. Как финики имеют приятный вкус, но лишены запаха, так и в народе Израиля можно найти тех, кто изучает Тору, не совершая при этом добрых дел, в то время как изучение Торы должно вести к соблюдению Мицвот.

Адасим. Как мирт обладает чудесным ароматом, но не вкусом, так и среди народа Израиля есть те, кто ведёт добропорядочную жизнь, но не учит Тору.

Аравот. Как ива лишена вкуса и запаха, так и среди народа Израиля можно отыскать тех, кто не учит Тору и не совершает добрых дел.

Вс-вышний говорит: „Свяжи их всех в один пучок, и дополнят они один другого“. Таким образом, внутренний смысл этой мицвы, объединяющей растения от этрога с его замечательным запахом и вкусом до аравы без вкуса и запаха, – в объединении всех евреев, которые должны стать „единым народом, чтобы свершать Твою волю от чистого сердца“.

Шмини Ацерет. Праздник Шмини Ацерет, который следует сразу за Суккот, считается отдельным праздником.

В Торе, после описания службы в каждый из семи дней праздника Суккот, говорится: „В день восьмой празднование да будет у вас...“ Слова „восьмой“ (шмини) и „празднование“ (ацерет) дали название празднику, завершающему „время нашего веселья“. Мидраш говорит, что, завещая еврейскому народу ещё один праздничный день после недели торжества и ликования, Вс-вышний как бы просит: „Дети Мои, задержитесь ещё на день в Моей обители. Тяжело Мне расставаться с вами“.

В Шмини Ацерет приближается к завершению всеобщий духовный подъём, который так долго царил в еврейских общинах. Вначале был месяц Элул – месяц самоанализа и подведения итогов. Затем 10 дней трепета и раскаяния: от трубногласа шофара на Рош а-Шана до Йом Кипура. Потом прошли четыре дня подготовки к Суккот, когда сооружали и украшали сукку, тщательно выбирали „прекрасный плод“ этрог и самый свежий нераспустившийся побег финиковой пальмы, а после – бережно связывали лулав для исполнения этой особой мицвы. Наконец, начались семь дней в сукке: трапезы под сенью свежесрезанных веток в кругу друзей и родственников, собравшихся вместе на праздник.

Во времена Храма при семидневном праздновании Суккот, на жертвенник возносили 70 быков, символизирующих 70 народов мира. А на восьмой день – в Шмини Ацерет – приносили в жертву лишь одного быка и барана. Мидраш говорит: „Это похоже, как если бы царь позвал на семидневный пир всех жителей своей страны... А когда пир закончился, он сказал своему близкому другу: „Мы выполнили наши обязанности по отношению ко всем обитателям страны. Теперь пойдём и проведём время вместе. Только ты и я вдвоём...“ Остались позади и семь, и пятьдесят волнующих дней. Но есть ещё сегодня, Шмини Ацерет, прекрасный день, когда еврейское сердце слышит просьбу Вс-вышнего: „Задержись. Тяжело Мне расставаться с тобой...“.

Симхат Тора. Праздник Симхат Тора (радость с Торой) также не связан с Суккот, но он как бы продолжает последний. Этот день – начало нового цикла чтения Торы – самый радостный и весёлый в еврейском году, когда танцует и ликует весь еврейский народ от мала до велика. И радость эта одинакова у седобородого старца, постигшего великие тайны Учения, танцующего со свитком Торы в синагоге и у юноши с салфеткой на голове, не умеющего отличить „алеф“ от „бет“. На Симхат Тора исчезает различие между людьми, и заповедь любовь к брату-еврею проявляется особенно ярко. Та самая любовь, о которой сказано: „Люби одинаково и абсолютно порочных, и абсолютно праведных, люби, невзирая на внешность, поведение, достоинства и недостатки. Люби его, как самого себя, т.е. прощай ему, как прощаешь себе любые прегрешения“.

В канун Симхат Тора, после вечерней молитвы, и в самый день праздника, после утренней молитвы, семь раз обходят со свитками Торы вокруг возвышения в центре синагоги, откуда читают Святую Книгу. При этом обходе – акафот, который длится часами, ликуют, поют и танцуют и безграничная радость охватывает присутствующих.

В день Симхат Тора все евреи – от лидеров и старейшин до простых людей – становятся равными. Это время не предназначено для изучения Торы. Это время, невзирая на разницу в образовании, пуститься в пляс и радоваться Торе. Свиток её не развернут в определённом месте, а заключён в футляр, и еврей танцует со всем его содержанием. Еврей соединяется с Торой в такой степени, что он становится ногами танцующего Свитка Торы – очеловеченной Торой. Это период нашего (евреев и Торы) ликования, когда Тора радуется еврею так же, как еврей Торе, и все евреи, независимо от положения и жизненного опыта, могут принять участие в Симхе.

На первый взгляд удивительно: на Симхат Тора евреи всего мира собираются веселиться с Торой – с той, что предписано изучать день и ночь! Но если бы Симхат Тора отмечали изучением или даже чтением Торы, это подчеркнуло бы разницу между евреями – между учёным и необученным. В танце же все мы – от величайшего из великих до простейшего из простых – радуемся вместе и на равных.

По материалам еврейских сайтов Интернета.

Рувим Штейн – один из 29 спасшихся в Бабьем Яру евреев

Бабий Яр – овраг на бывшей окраине Киева, который стал символом гибели евреев от рук нацистов в СССР во время Второй мировой войны.

20 сентября 1941 г. германская армия оккупировала Киев. Значительная часть еврейского населения города не успела эвакуироваться как из-за стремительных темпов немецкого наступления, так и потому, что руководители Советского Союза и Украины неоднократно заявляли, что Киев не будет сдан. Поводом к уничтожению еврейского населения послужила серия взрывов в центре города, совершенных по приказу командования Красной Армии. Первый такой взрыв произошёл 24 сентября 1941 г., были разрушены штаб немецкой армии, комендатура, гостиница для офицеров. Оккупационные власти Киева вывесили около 2000 объявлений следующего содержания:

„Все жида города Киева и его окрестностей должны явиться в понедельник 29 сентября на угол Мельниковской и Доктеривской улиц (возле кладбища). Взять с собой документы, деньги, ценные вещи, а также тёплую одежду, бельё и прочее. Кто из жидов не выполнит это распоряжение и будет найден в другом месте, будет расстрелян. Кто из граждан проникнет в оставленные жидами квартиры и присвоит себе вещи, будет расстрелян“.

29 сентября колонны евреев с вещами в сопровождении охраны направлялись в Бабий Яр. Там они сдавали документы и ценные вещи и раздевались, после чего их подводили к яме и расстреливали.

Рувим Штейн – один из спасшихся из Бабьего Яра. Он помнит все события отчётливо – в 1941-м ему исполнилось 15 лет.

«В Яре остались мои мама и сестра. Я выжил только потому, что погбающая мама крикнула: „Беги!“, а я не мог её послушаться».

Прочитав объявление, предписывающее нам явиться к 8 часам утра на угол Мельниковой и Доктеривской, мы, киевские евреи, выполнили приказ. Хотя и слышали о массовых расстрелах в Бердичеве и Виннице.

Я сразу понял: мы идём на смерть. Я уговаривал маму спрятаться, остаться дома, но она отказывалась меня слушать, а шестилетняя сестра только плакала. Мама говорила, что никто не станет расстреливать беспомощных женщин и детей. Нас согнали на огромную поляну перед Яром. Там стояли столы, как в клубе в президиуме. За каждым были офицер, солдат и переводчик. У нас забрали паспорта и метрики – их не регистрируя свёрнули в костёр. Тут и мама поняла, что мы теперь не люди, мы не существуем. Она чётко знала правило: нет бумаги – нет человека.

После того как наши документы сгорели, я не верю немецкому донесению о том, что в Яре в эти дни был уничтожен 33 771 человек. Может, до этой цифры немцы и вели регистрацию, а потом им надоело.

Отнятые у нас вещи в костёр не бросили – им придавали большую цену, чем нам, они возвышались у Яра двумя курганами и должны были пережить хозяев. Нас разделили на две колонны – мужчин и женщин. Мама с сестрой вырывались и кричали, но вскоре они исчезли в толпе. Последнее что я услышал – мамин крик: „Беги!“

Мужская колонна двинулась к Яру по-военному, почти чеканя шаг. Перед самым Яром дорога изогнулась, из оврага появилась широкая труба. Я в неё прыгнул и застрял. Не помню, как и через сколько часов мне удалось выбраться. Была уже ночь. Я добежал до старого кладбища, провёл там день, добрался домой и ещё семь дней просидел там без еды. А потом появился местный дворник. Сдавший немцам соседней-евреев, он решил пересчитать оставшееся добро. Я выпрыгнул в окно и убежал. Жил на киевских окраинах, собирал там картошку, торговал ею на базарах. Воровать так и не научился, мама не велела. На базарах начались облавы: искали уцелевших евреев, славян угоняли на работы в Германию. Я понял, что пора бежать из Киева. Прошёл пешком Черниговскую, Сумскую и Орловскую области, добрался до Брянщины и там перешёл через линию фронта, к нашим.

Историю о Яре я никому не рассказывал: боялся. Меня мобилизовали и отправили в артиллерийскую учебку под Свердловск. Я освобождал Прибалтику, воевал с Японией. Потом вернулся в Киев, поступил в Институт физкультуры, занялся гимнастикой, стал тренером, жил в общезнании – вроде и не киевлянин. К Бабьему Яру с тех пор не приближался.

Наверное, я настоящий умер там, в Бабьем Яре, а то, что осталось – искривлённая тень...».

Рувим Штейн, Бабий Яр, 1961 год.

От редакции.

Как отмечает историк Тимоти Снайдер, Бабий Яр стал для руководства Третьего Рейха своеобразной демонстрацией того, на что в принципе способны немцы: они были способны за два дня фактически полностью уничтожить еврейское население крупного европейского города.

«Массовые убийства евреев начались не в газовых камерах Освенцима. Уже на момент проведения Ванзейской конференции 1942 года, где обсуждались пути „окончательного решения еврейского вопроса“, было расстреляно как минимум полмиллиона евреев», – говорит Вольфганг Бенц (немецкий историк, профессор-эмерит Берлинского технического университета, с 1990 года руководитель университетского Центра исследований антисемитизма).

В Бабьем Яру продолжали расстреливать и после 30 сентября 1941 года. Бабий Яр стал местом уничтожения пяти цыганских таборов. Там же был расстрелян 621 член Организации украинских националистов, выступавших за независимость Украины, в том числе поэтесса Елена Телига и её коллеги по редакции газеты „Украинское слово“. Среди жертв были пациенты психиатрических лечебниц, коммунисты-подпольщики, советские военнопленные.

Расстрелы были уже не такими массовыми, но проводились последовательно – вплоть до освобождения города Красной Армией.

Вслед за Бабьим Яром были ещё массовые убийства евреев в Одессе и Риге, но все эти трагедии многими были впоследствии несправедливо забыты на фоне того, какие ужасы творились в концлагерях.

Вечная любовь Аркадия Райкина

Он выходил на сцену, перевоплощался, шутил, смеялся, кричался, а потом вдруг раз – и на тебя смотрят совершенно другие глаза – серьёзные, очень грустные и очень умные. Глаза, в которых сосредоточилась вся мудрость еврейского народа.

Его любили миллионы... за талант и ум. А он мог бы и не стать артистом, если бы не пошёл против воли семьи.

„Еврею быть клоуном? Никогда!“ – бушевал отец, схватившись за ремень. Отец, портовый бракер строительного леса, возлагал на старшего сына большие надежды, которые тот никак не хотел оправдывать.

Аркадий Райкин родился 24 октября 1911 года в Риге в еврейской семье. Отец – портовый бракер строительного леса Исаак (Ицик-Янкель) Давидович Райкин (1877–1942), умер при эвакуации из блокадного Ленинграда, мать – Лея (Елизавета) Борисовна Райкина (урождённая Гуревич; 1878–1966), акушерка. Родители оформили брак за год до рождения первенца. В семье росли также младшие сёстры Белла (1916–2009) и Софья, и брат Макс (1927–1999). Семья отца (его родители Давид Абрамович, купеческий сын, и Эйдл Янкелевна) родом из Полоцка Витебской губернии, предки по материнской линии были потомственными рижанами. Дед по материнской линии был провизором, владел аптекой. В 1916 году, семья переехала из ставшей прифронтовой Риги в Рыбинск, к месту новой работы отца. Ребёнок посещал хедер, владевший идущем. Во время учёбы в школе, увлечшись театром, занимался в драмкружке. В 1922 году семья Райкиных переехала в Петроград и поселилась у родственников. Маленький Аркаша не только учился в средней школе, но и обязательно посещал занятия в драмкружке. Он без этого просто не мог.

Стоит отметить, что Мельпомена стала навязчивой идеей для Райкина с раннего детства. Он постоянно ходил в Государственный академический театр драмы. Конечно, денег на билеты ему давали редко, но парень находил выход.

Он продавал книги и тетради. Такое поклонение театральным подмосткам отцу Райкина совсем не нравилось, и он часто ругал сына за неподобающее поведение. Аркадий, конечно, переживал из-за слов отца, мучился, а потом снова зарабатывал деньги на поход в театр и смотрел спектакль за спектаклем.

Актёры труппы были очарованы такой любовью к театру и даже доверили Аркаше роль убитого купца. Он неподвижно и безмолвно лежал на сцене и был безмерно счастлив – ведь это была слава!

Когда отец понял, что не сможет отлучить сына от искусства, то подарил ему скрипку. Но кататься с горки на футляре с инструментом Аркаша любил больше, чем играть на нём. Одна из таких зимних прогулок чуть не стоила мальчишке жизни. Он заболел ангиной, которая дала осложнения на сердце. Почти на год ревматизм и ревмокардит приковали 13-летнего Аркадия к постели.

Когда Аркадий уже окончательно решил, что будет актёром, его семья это категорически не одобрила. Разразился страшный скандал. Папа наотрез отказался принять выбор сына, и всё закончилось тем, что парень просто ушёл из дома. Понятно, что родители не помогли финансово, поэтому ему пришлось самому искать возможность заработка.

Аркадий пошёл работать лаборантом на химический завод. Заработав немного денег, поступил в Ленинградский институт сценических искусств на режиссёрские курсы. Курс вёл замечательный педагог Владимир Соловьёв.

Выступать на сцене Аркадий начал ещё во время учёбы. И хотя почти все номера он делал для детей, уже тогда талант Райкина заметили.

В 1925 году, получив диплом, Аркадий смог устроиться работать в Ленинградский театр рабочей молодёжи. Но слава пришла к Райкину не сразу. Это произошло более чем через 10 лет после окончания института. То есть в 1939 году. Тогда Аркадий стал лауреатом первого Всесоюзного конкурса артистов эстрады, выступив с танцевально-ми믹скими музыкальными номерами „Чаплин“ и „Мишка“. И пошло, поехало.

После такого успеха Райкина пригласили в ленинградский Театр эстрады и миниатюр, прародитель „Сатирикона“. Аркадий начал выступать со своими номерами, а затем получил роль конференсье. Все, кто приходил на концерты, восхищались талантливым артистом. Так, постепенно, реприза за репризой, к Аркадию Исааковичу пришла не просто популярность, а настоящая любовь зрителя.

лей. Его называли „человеком с тысячей лиц“. И в самом деле, на своём творческом веку он создал столько абсолютно разных персонажей, что удивительно, как он не потерялся в этой многоликости перевоплощений и не растерял себя, своего обаяния и своей харизмы. Билеты на его выступления были своеобразной валютой для советских людей, в обмен на которые можно было „достать“ любой дефицит.

Аркадий Райкин всегда позволял себе больше на концертах, чем остальные. Он тонко, но едко посмеивался над системой, чиновниками и властью. И люди понимали, что он хотел им сказать.

Имя его первой и единственной женщины, с которой он прожил всю жизнь, – Руфь Иоффе. Красивую, талантливую, нестандартную девушку в красном берете с проделанным отверстием и пропущенной в него прядью чёрных волос, он встретил ещё мальчишкой, когда выступал в самодеятельности в одной из школ. Ему очень понравилась оригинальная барышня. Через несколько месяцев Аркадий вновь встретил девушку на улице, узнал и вдруг увидел её необычно живые, выразительные, умные глаза. Но он прошёл мимо, стесняясь заговорить с незнакомкой на улице. Это был уже второй раз, когда будущий знаменитый артист чуть не упустил свое счастье.

Через пару лет Райкин снова увидит прекрасную девушку и на этот раз свой шанс не упустит. Они познакомились в столовой техникума сценических искусств. Рома, так называли Руфь дома, заговорила с Райкиным первая, пригласив на вечерний сеанс кино.

«Когда мы вечером заняли свои места и погас свет, я тут же сказал ей: „Выходите за меня замуж“. Та ответила очень просто: „Я подумаю“. Через несколько дней она сообщила, что согласна», – вспоминал Аркадий Райкин.

Но не тут-то было. Молодым ещё предстояло выдержать противостояние с мачехой Руфь. К сожалению, мама девушки умерла очень рано, и отец женился вновь. Он надеялся, что у Руфь появится любящая мама, но мачеха держала падчерицу в „ежовых рукавицах“.

О браке с нищим артистом родители девушки и слышать не хотели. Когда Райкин приехал на дачу к Иоффе произвести платенную речь о своей любви, которая должна была изменить позицию будущих родственников, Аркадия просто выпроводили, разрешив напоследок попрощаться с Ромой. Девушка не могла сдержать слёз.

Отец Руфи был известным в Ленинграде врачом и приходился родственником академику Иоффе. Только побывав на дипломном спектакле Райкина „Смешные жеманницы“ по пьесе Мольера, отец и мачеха Руфи дали согласие на брак.

Регистрация новой семьи прошла в 1935 году. Молодожёны поселились у родителей Руфи в выделенной им комнате. Но в доме жены, куда Райкин пришёл с одним чемоданчиком, ему пришлось несладко. Нет, молодые супруги были счастливы и влюблены, но в их семейные отношения всё время вмешивалась мачеха Ромы. С артистом обращались, как с немощным ребёнком, унижая его мужское достоинство, хотя уже в то время Аркадия хорошо знали и ценили в артистических кругах.

Ссоры артиста с тещей не прекращались и спустя три года, после рождения дочери. И однажды Райкин не выдержал. Он взял ребёнка и ушёл к своим родителям в чём был. Руфь быстро последовала за ним. Родители Аркаши обрадовались таким обстоятельствам. С особым трепетом и нежностью они относились к своей маленькой внучке Кате.

Вскоре молодым дали комнату в коммунальной квартире, где они проживут долгие годы, но тогда это было настоящим спасением. Кроме того, коммуналка помогла Райкину и в работе – у него не было недостатка в интересных образах и типажах для своих сценков.

С тех пор Руфь и Аркадий были неразлучны. Девушка окончила театральный институт и начала работать вместе с супругом под псевдонимом Р. Рома. Великому артисту нужна была именно такая жена – вдохновитель, критик и даже в чём-то учитель, идеальный партнёр на сцене, верная, любящая, заботливая супруга в повседневной жизни.

Когда началась война, Аркадий Райкин вместе со своим театром колесил по фронтовым дорогам с концертами. И бесстрашная Рома всегда была рядом с мужем. Трёхлетнюю дочь пришлось оста-

вить в Ташкенте на попечении практически незнакомой женщины.

Аркадий Райкин был не только остроумным юмористом. Он снимался и в кино. Стоит отметить, что кинематограф всегда интересовал Аркадия не меньше, чем сцена. Его первый фильм вышел на экраны летом 1939 года. Это была лирическая драма „Доктор Клиогени“. Аркадия стали приглашать в другие картины, но предлагали лишь небольшие роли. У артиста никак не получалось стать популярным в кино, и на какое-то время Райкин разочаровался в кинематографе. Все свои силы и талант он сконцентрировал на сцене. К слову, Райкин читал не только свои монологи. Для него в разное время писали такие сценаристы, как Жванецкий, Зоценко, Шварц. В кино Аркадий Исаакович вернулся после удачной и запоминающейся роли в фильме „Валерий Чаков“ (американский журналист – ред.).

Аркадий и Руфь прожили вместе в любви 50 лет. Но Райкин был слишком ярким мужчиной, чтобы избежать внимания женщин. О мимолётных увлечениях отца спустя много лет рассказала дочь Катерина: „У родителей был замечательный брак, но бабы буквально липли к отцу. Если он уезжал на гастроли без мамы, дамочки не давали ему прохода. Романы, конечно, у Аркадия Исааковича были, но мама его обожала и не представляла своей жизни без него“.

Очевидцы тех событий рассказывали, что самый яркий роман случился у Аркадия Исааковича с актрисой театра им. Вахтангова Гарэн Жуковской. В неотразимую красотку влюблялись все. Не устоял и Райкин. Артист разрывался между семьёй и любовницей. И хотя Гарэн многие считали хищной и расчётливой, ей хватило такта и здравого смысла не увести Райкина из семьи. Именно Жуковская предложила Аркадию прекратить отношения. А в 1950 году в семье Райкиных родился сын Константин и окончательно закрепил мир в семье.

Мало кто, наверное, уже помнит, но в 70-х годах Райкин пережил массивную травму. О нём начали распространять оскорбительные слухи – якобы он спрятал все свои драгоценности в гробу умершей матери и переправил их в Израиль, где уже обосновались его дети, и он сам собирается эмигрировать. Обидно было до слёз, ведь артист никогда не думал об отъезде.

Самое ужасное было в том, что разговоры об этом велись не просто на кухнях, но и на политсобораниях. После всех этих инсинуаций Райкин полностью поседел и пережил инфаркт. Он был очень ранимым человеком.

Ударом для всей семьи стал инсульт Руфи Марковны. Она мужественно перенесла тяжёлую болезнь, много занималась для возвращения подвижности, полноценной речи. Трогательную заботу и нежность проявил к ней и Аркадий Исаакович.

Вспоминая об этом, Екатерина и Константин до сих пор не могут сдержать слёз. Руфь Марковна смогла побороть свой недуг и даже ходила на спектакли, в которых принимал участие великий актёр. Но речь так и не восстановилась.

И всё же Аркадий Исаакович ушёл раньше. Руфь пережила своего любимого супруга на два года. Когда ей сообщили о кончине Райкина, она, почти не говорящая после инсульта, лишь промолвила: „Я хочу умереть...“ До последних минут Руфь Марковна тосковала по мужчине, который стал для неё любовью всей жизни.

Аркадий Райкин всегда был невероятно обаятельным и приятным человеком. Он умел разбираться в людях, обладал высоким интеллектом, но при этом никого не оскорблял и не унижал. Его любили и ценили. Публика обожала Райкина. Когда он уезжал со своих последних гастролей из США, все выходцы из Советского Союза хлопали и плакали, потому что понимали – они больше не смогут увидеть этого удивительного актёра в живую. Аркадий Райкин умер 20 декабря 1987 года.

По материалам сайта <https://chitaj.net>

Вряд ли в мире найдётся ещё один народ, с которым бы евреи воевали так долго, как с филистимлянами. Лишь приход на Ближний Восток гораздо более могущественных правителей смог остановить это противостояние. Кто же они такие, филистимляне, и как появились на Земле Обетованной?

Главной версией современных учёных является предположение, что филистимляне переселились на Ближний Восток с острова Крит. По крайней мере, их керамические изделия и представителей критско-микенской культуры очень похожи. Кроме того, на обнаруженных в древнем Азоте (ныне Ашдод) печатках находятся надписи, сделанные линейным письмом, которое использовалось в критско-микенской культуре периода бронзового века. Дополнительным указанием на остров Крит служат египетские тексты, называвшие этот остров „землёй Кефто“, а в Та-НаХе филистимляне упоминаются как кафторы, то есть выходцы из страны Кафтор.

Появление новых методов идентификации, а именно практики генетических исследований, позволило расширить границы территории, откуда вышли филистимляне. Почти половина их действительно является выходцами из Крита. Но остальные являлись жителями не только Восточного Средиземноморья, но, по большому счёту, всей южной части Европы вплоть до Иберийского полуострова. Только в этой логической цепочке совершенно нелогично включивается один факт. Во всех данных регионах не могли обрабатывать железо, а этот народ умел это делать. Из-за этого ряд учёных считают их потомками племён, попавших в Южную Европу через се-

Кто такие филистимляне?

верную Анатолию, где предположительно и зародилась технология производства чистого железа.

Что было после того, как филистимляне „освоили“ Крит, известно. Получив в руки более совершенное оружие, а вместе с ним и новую тактику ведения боя, они начали атаковать богатое средиземноморское побережье Египта. Собственно, за это народность и получила своё название. Филистимляне – это искажённое древнееврейское слово „плиштим“, означающее „те, кто вторгаются“. Существовало и ещё одно название – „народ моря“, которое было присвоено за то, что они всегда приходили со стороны моря и, ограбив прибрежные египетские города, туда же исчезали.

Но как бы долго верёвочке ни виться, конец ей наступит. Так и в Египте нашлись правители, сумевшие дать отпор „народам моря“. После двух крупных поражений от фараона Мернептаха и от Рамзеса III, филистимлянам не оставалось ничего другого, как найти для себя какой-нибудь спокойный регион, где и создать собственное государство. Отступив от Египта, они пришли в Ханаан, где захватили узкую прибрежную полосу с четырьмя ханаанскими городами: Ашдодом, Ашкелоном, Газой и Гатом. После создания ещё одного, уже собственного населённого пункта Экрона, образовали коалицию городов-государств Пентаполис (Пятиградие).

Пентаполис не был государством в привычном для нас виде. Каждый из городов уп-

равлялся независимые князья-серены, которые в случае необходимости объединяли свои силы. На раннем этапе центром Пятиградья была Газа, а потом функцией главного города стал исполнять Ашдод. Высокий уровень технологий позволял филистимлянам иметь прочную экономическую основу. Главным собственным продуктом было железо и изделия из него, как военного, так и гражданского предназначения. Кроме того, Пятиградье, населённое отличными мореходами, вело активную торговлю, став центром перевалки европейских товаров в Азию, а азиатских – в Европу.

Примечательно, что филистимляне и евреи пришли в Ханаан почти одновременно, и это не могло не сказаться на их отношениях. Практически всё время своего сосуществования эти два народа противостояли один другому. Каждый из них был настроен крайне решительно по отношению к другой стороне, и это не могло не сказаться на результатах сражений. Войны между народами были частыми и кровопролитными. А причин для противостояния было несколько.

Первая – различия в верованиях. Если евреи практиковали веру в единого Б-га, то „народ моря“ были язычниками, применявшими в своих обрядах кровавые ритуалы, доходившие до человеческих жертвоприношений.

Вторая – территориальные претензии. Филистимляне начали создавать своё государство на Земле Обетованной, то есть, присвоили себе часть территории, обещанных иуде-

ям Вс-вышним. Понятно, что для евреев это было постоянным раздражающим фактором.

Третья причина состояла в том, что филистимляне, гранича с территорией колена Беньямина, постоянно терроризировали её жителей. Остальным евреям не оставалось ничего другого, как защищать единоверцев и собратьев.

Такое упорное противостояние продолжалось несколько веков. Столетняя война между Францией и Англией, истощившая силы средневековых европейских государств, по сравнению с этим противостоянием может считаться просто кратковременной ссорой двух соседних народов. Знаменитый бой между Давидом и Голиафом был событием всего лишь одной из войн между этими народами. Но что интересно, между временами противостояния существовали периоды вполне мирного взаимодействия. Тот же Давид сумел занять трон Израиля без помощи филистимлян.

Конец многовековому противостоянию, а заодно и существованию филистимлян как самостоятельного народа положил приход в регион внешних сил. Пережив вторжение в край ассирийцев, спустя пару столетий они не смогли устоять против армии вавилонского царя Навуходоносора. Значительное число филистимлян, как и евреев, было изгнано из своих городов, но всё же кое-какая часть общества ещё оставалась жить на прежнем месте. Но когда в регион пришёл Александр Македонский, филистимляне как нация быстро ассимилировались. Они эллинизировались, и навсегда исчезли как самостоятельный народ.

Марина СЛИВИНА.

Еврейские гангстеры против американских нацистов

Тридцатые годы 20-го века стали временем расцвета мирового антисемитизма. Руководство многих государств следовало в русле внутренней политики нацистской Германии и ущемляло права проживающих в их странах евреев.

Даже в тех государствах, которые на словах не поддерживали нацизм, пронацистские и профашистские организации существовали вполне легально, продвигая идеи превосходства одних наций над другими.

США следовали в русле подобных трендов. На территории страны действовало довольно много пронацистских организаций, открыто пропагандировавших антисемитскую программу действий, и даже призывавших к расправам над евреями. Понятно, что еврейскому сообществу страны такое положение дел совершенно не нравилось, но сделать они ничего не могли, так как все эти формирования защищала первая поправка к Конституции США.

Но если в открытую против нацистов выступать нельзя, потому что нарушается закон, то можно подыскать обходной путь. И еврейская община Америки его нашла, благо, вся история существования еврейской нации после гибели Иудеи состояла из сплошных лавирований между запрещающими законами и возможностью выжить. Она прибегла к услугам гангстеров еврейской национальности, которым тоже не нравилось засилье нацистов в стране.

Дело в том, что если основную массу иудеев страны связывали законы, то криминал они не удерживали никак. Рады собственной выгоды гангстеры привыкли законы обходить. Точно так же они понимали, что в случае прихода нацистов в власти их время закончится в первую очередь. На этой почве интересы преступных группировок сблизилась с интересами простых обывателей, за счёт которых они годами и существовали.

В числе тех, кто выступил против американских нацистов, был Меир Лански — знаменитый лидер преступного мира. После обращения к нему бывшего члена конгресса от республиканской партии судьи Натана Перлмана, Лански поднял подконтрольных ему мафиози на борьбу с крупнейшей в США пронацистской организацией «Германо-американский союз». Между договаривающимися сторонами было достигнуто негласное соглашение о сотрудничестве. Мафиози должны были обходиться без убийств, а вот остальные меры воздействия разрешались. Власти же обязались не преследовать мафию и не критиковать боевиков преступных организаций в прессе за их действия.

Он боролся за права заключённых в Советской России и удерживал Дзержинского от расстрелов. Длилось это недолго. Когда Исаак Штейнберга вытурили из СССР, он посвятил жизнь плану «Кимберли» — хотел увезти от нацистов в Австралию 75 000 евреев.

В конце 1917 г. главой народного комиссариата юстиции стал Исаак Штейнберг. За несколько недель до этого в стране появилась ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Всё, что требовалось от нового наркома — это всячески содействовать истреблению классовых врагов. Но Штейнберг пошёл другим путём. Первое, что он сделал — запретил содержать заключённых в каких бы то ни было помещениях, кроме тюрем. Так он на несколько месяцев положил конец издевательствам над заключёнными в подвалах разных ведомственных зданий. Затем Штейнберг обязал тюрьмы при приёме «новых» требовать от следственных органов копии протоколов, на основании которых был произведён арест. Справедливость арестов стали при нём проверять специальные окружные комиссии. И это тут же резко сократило количество неправомερных арестов.

«Какое такое „право“ по отношению к „контре“?!» — недоумевали большевики. Но тогда они делили правительство с левыми эсерами, к которым относился и Штейнберг, а те настаивали. Впрочем, новый нарком юстиции продержался на своём посту недолго: в марте 18-го он покинул правительство в знак протеста против заключения Брестского мира. Впереди были другие битвы.

Исаак родился в 1888 г. в Двинске, ныне Даугавпилсе, в семье купца Зераха Штейнберга и его жены Хианы, урождённой Эльяшевой. Родители дали детям высококлассное образование, наняв лучших учителей и придерживаясь золотой середины в вопросах веры и науки. После окончания гимназии Исаак поступил на факультет правоведения Московского университета, где с головой окупился в политику. Вскоре его отчислили за членство в партии эсеров. Затем последовали арест и ссылка на два года в Тобольскую губернию, после которой Исаак уехал в Германию. Там он окончил Гейдельбергский университет, защитил диссертацию по теме «Понятие преступления в Талмуде» и получил степень доктора юридических наук.

Вернувшись в Россию, Штейнберг работал адвокатом — защищал преимущественно единоверцев, параллельно освещая проблему антисемитизма в научных статьях. В 1915-м за участие в революционной пропаганде юрист был арестован и выслан в Уфимскую губернию — там он руководил клубом левых эсеров и был избран гласным городской думы.

Всё это время Штейнберг не отступал от еврейских традиций ни на шаг: читал субботу, соблюдал все религиозные праздники. Вот что вспоминал его брат Аарон Штейнберг об одном из арестов Исаака: «Ордер на его освобождение прибыл в Москву в первый день Шабуота, когда нельзя писать, и он отказался заполнить бланк. Родители отправились из Лефортово пешком к трём галахическим экспертам, чтобы те вынесли постановление, разрешающее сыну писать. Те согласились считать такой акт пикуха-нефеш — спасением души, и родители вторично шагали из центра Москвы в Лефортово, чтобы доставить это постановление сыну. Только тогда он заполнил бланк и покинул тюрьму, проведя в ней лишние три дня».

В 1917-м, после февральского переворота, Штейнберг стал членом исполкома Уфимского Совета рабочих и солдат. Октябрьское

Очень скоро нацисты на себе испытали тяжёлую руку еврейских защитников. Боевики Лански действовали крайне профессионально. Выследив очередную нацистскую сходку или собрание, они, вооружившись кастетами, битами или просто врукопашную бросались на собравшихся и самым жестоким образом избивали их. Не щадили никого. Случалось, что после нападения некоторые из нацистов лечились по несколько месяцев. Больше года длилось это противостояние, за что Лански снискал в еврейской среде уважение. Примечательно, что многие молодые евреи, не связанные с криминалом, записывались в отряды Лански, а потом вместе с бандитами участвовали в нападениях на нацистов.

Интерес представляет и другой факт. Наци, перепуганные размахом данных акций, обратились за помощью к властям. Мэр Нью-Йорка Фьорелло Ла Гуардия пошёл им навстречу, правда, выставляя ряд условий. Во-первых, нацистам запретили носить форму, в частности, знаменитые рубашки коричневого цвета. Во-вторых, они должны были прекратить демонстрировать нацистский флаг и свастику, а также распевать песни соответствующего содержания. В-третьих, перестать самовольно проводить марши в сопровождении барабанщиков.

Единственным местом, где допускалось проведение нацистских маршей, стал Иорквилл, но и здесь была оговорка. Такие марши должны были обязательно сопровождаться крупными силами полицейскими. Самый оскорбительным в данном случае было то, что стражи порядка были исключительно евреи и чернокожие. Принятые меры привели к тому, что популярность собраний «Германо-американского союза» в Нью-Йорке резко пошла на убыль, а активисты движения не решились разгуливать в одиночестве по улицам города, демонстрируя нацистскую форму.

Ещё одним местом, где активно работал «Германо-американский союз», был штат Нью-Джерси. Там в городке Ньюарк проживала значительная немецкая община, среди которой пронацистские настроения распространялись довольно быстро. Против них выступил местный криминальный авторитет Абнер «Лонги» Цвиллман. Будучи евреем по национальности, он не собирался давать нацистам шанс на захват власти. Помощником главарю в этом деле стал бывший профессиональный боксёр Нат Арно, также имевший еврейское происхождение.

Совместными усилиями они создали подпольную группировку минитменов. Её рядовые члены выслеживали нацистов, определяли места их

собраний, после чего производили нападения. Нат Арно у минитменов отвечал за боевую подготовку, Цвиллман — за связь с силовыми структурами города и финансовое обеспечение. Дело в том, что авторитет Цвиллмана был такого уровня, что его слушались даже в полиции. Как бы ни старались маскироваться местные нацисты, либо минитмены, либо полицейские отслеживали их, и информация немедленно поступала в штаб отряда.

После этого боевая группа выдвигалась на место проведения акции. Увидев её, полицейские наряды моментально исчезали. Если ударникам удавалось проникнуть внутрь помещений или вынудить выйти оттуда собравшихся там нацистов, то их жестоко избивали. В случаях, когда этого не удавалось сделать, крушились окна здания и автомобили, оставленных собравшимися. Как ни пытались нацисты получить помощь от полиции, там всегда находился повод, чтобы в ней отказать.

Чикаго, считавшийся криминальной столицей США, также вел борьбу с нацистами. Местные гангстеры получали интересующую их информацию от «засланного казачка» — журналиста Херба Брина. По заданию «Антидиффамационной лиги» он вступил в местную ячейку нацистской партии «Хаусфатерланд». Добытую информацию журналист отправлял в АДП и боевикам еврейских антинацистских отрядов.

В штате Миннесота активно действовал «Легион серебряных рубашек». Этим нацистским движением руководил уроженец Калифорнии Уильям Дадди Пелли. Его свобода действий в штате обеспечивалась давними антиеврейскими традициями Миннесоты. Достаточно сказать, что ещё в 1930-е годы в крупнейшем городе данного штата людей еврейской национальности не пускали в благотворительные клубы. Неудивительно, что Пелли довольно легко находил здесь своих сторонников.

Противовесом ему выступили местные главы еврейского преступного синдиката Дэвид Берман и Исидор «Кид Канн» Блюменфельд. Их стараниями был сформирован отряд ударников, который по первому зову должен был собираться в необходимом месте, после чего действовать по обстановке. Актциями руководил Берман. Так вот местным нацистам пришлось сделать всего три, правда, очень жестоких напоминания, после чего движение «серебрянорубашечников» в Миннеаполисе практически полностью прекратило свою деятельность. Берман же и Блюменфельд за «скупное» вознаграждение оказались непрагмат-

ными к происходившим инцидентам, да и против евреев никаких санкций не последовало.

Антинацистское криминальное подполье работало также на Западном побережье. В Лос-Анджелесе действовали две нацистские организации: «Германо-американский союз» и «Легион серебряных рубашек». И хотя в отличие от Восточного побережья, численность нацистов здесь была существенно меньше, они отличались крайней агрессивностью и буйством. Это серьёзно тревожило местную еврейскую общину. В этих местах на помощь им выступил местный бандит еврейского происхождения Мики Козн, первой акцией которого стало избивание двух нацистов прямо в тюремной камере. Едва они остались без присмотра, Мики начал бить нацистов головами друг о друга. Когда же на крики несчастных прибежали охранники, Козн уже опять спокойно сидел на скамейке и листал газету. Известие о вмиг разлетелось по городу, ведь бандит, выйдя на свободу, совершенно не скрывал подробностей происшедшего. После этого к нему начали поступать сведения от различных еврейских организаций о собраниях нацистов. Козн на них должным образом реагировал. Он собрал отряд из подобных ему персонажей, готовых на любые действия в отношении нацистов. Появившись в назначенном месте, штурмовики заскакивали в помещение и крушили в нём все подряд, не забывая и об участниках собрания. Примечательно, что за свои «подвиги» Козн не брал никакого вознаграждения. Он считал, что это его патриотический долг.

Возникает вопрос: «А чем же отвечало своим защитникам американское еврейское общество?» Реакция, к сожалению, оказалась далеко не такой однозначной, как ожидалось. В среде еврейской молодёжи гангстеры-защитники были несомненными героями. Но вот руководство общин и люди, облечённые властью, оценивали происходящее по-иному. Относительно того же Меира Лански договорённость оказалась невыполненной буквально сразу. После проведенных акций пресса буквально ополчилась на гангстера, обзывая его лично в статьях бандитом и мафиози. Не отставали от них и представители еврейских общин. Они повсюду публично ужасались преступной деятельностью гангстеров, заявляя, что своими действиями те воплощают образ «плохих евреев». Однако однозначно именно стараниями мафиозных группировок нацизм немецкого толка в США сошёл на нет.

Маша ЛЕВ.

Битва за Австралию

восстание в Петрограде юрист поначалу резко осудил, но вскоре призвал к совместной работе с Советами: большевики, опасаясь возможного сопротивления в регионах, позвали эсеров в коалицию. Исаак Захарович, избранный по партийному списку в Учредительное собрание, вскоре был назначен наркомом юстиции.

Осознавая, что борьбу с «контрреволюционными элементами» уже не остановить, он изо всех сил пытался ограничить её рамки «революционного правопорядка». К примеру, на первом же заседании Совнаркома Штейнберг заявил о необходимости прекратить все «систематические репрессии против лиц, учреждений и печатных». Затем он разработал декрет о судах — и в жесточайших дебатах с Лениным его отстоял. После этого рассматривать серьёзные уголовные дела стали с участием присяжных заседателей, а не на местах — безо всякого суда и следствия.

С таким подходом у Штейнберга тут же появился заклятый враг — основатель и глава ВЧК Феликс Дзержинский. Буквально одними из первых «саботажников революции» нарекли участников Союза защиты Учредительного собрания — организации, созданной эсерами и меньшевиками с целью не допустить роспуска собрания. Дзержинский арестовал всех активных участников и доложил Ленину об успешной спецоперации. Но узнавший об этом Штейнберг распорядился немедленно освободить задержанных политиков. Ленин и Дзержинский негодовали — созвали внеочередное заседание и обвинили наркома юстиции в «нарушении принятого обязательства проводить советскую политику».

В ответ на ярость Дзержинского Штейнберг довольно спокойно произнёс: «А кто вы, собственно, такой, чтобы принимать решение об аресте?» После чего он показал собравшимся постановление об организации ВЧК, в котором функции и полномочия комиссии были описаны более чем размыто — и по большей части сводились лишь к предварительному расследованию, предшествующему аресту. Сам арест, как и прежде, оставался в рамках полномочий наркоматов юстиции и внутренних дел.

Пока Ленин и Дзержинский пытались понять, что делать дальше, Штейнберг предложил им, наконец, узаконить право ВЧК на аресты. Вот только в его проекте постановления подчёркивалось, что делать это члены ВЧК смогут только с согласия сотрудников наркоматов юстиции и внутренних дел. Большевики ни в какую не хотели идти на такие уступки. «Не хотите — как хотите, давайте оставим всё как есть, — спокойно парировал Штейнберг. — Пусть у ВЧК и дальше не будет права принятия процессуальных решений». В итоге сошлись на компромиссном варианте: ВЧК предписывалось извещать об арестах народные комиссариаты юстиции и внутренних дел. Кроме того, членами ВЧК должны были стать некоторые из видных левых эсеров.

Это была крупная победа наркома юстиции, получившего возможность влиять на деятельность ВЧК изнутри. В течение нескольких следующих месяцев Штейнбергу удалось предотвратить сотни бессудных расстрелов, фактически легализованных в ленинском воззвании «Социалистическое Отечество в опасности!». Принятое на фоне немецкого наступления на фронте, оно развязало руки чекистам. Только в первый день после публикации воззвания сотрудниками ЧК в Петрограде было расстреляно не менее 13 заключён-

ных. «Зачем тогда нам вообще комиссариат юстиции? Давайте назовём его честно „Комиссариат социального истребления“ — и дело с концом!» — негодовал Штейнберг с трибуны, объясняя, что всё вылетает в банальное сведение счётов.

Не добившись чётких формулировок в определении преступлений, за которые предполагался расстрел, Штейнберг тут же направил в тюрьмы свой указ. В нём он требовал «принять все меры к недопущению расправ над жизнью кого-либо из заключённых» и докладывать о каждом факте посещения тюрем сотрудниками ЧК. По каждому из донесений он лично звонил заместителю председателя ВЧК, предупреждая от необдуманных поступков. Так Штейнберг сохранил десятки жизней. Но вдруг в марте 1918-го после всех выигранных битв он вдруг взял и сам сдал все отвоёванные позиции — подал в отставку в знак протеста против заключения Брестского мира. В вооружённом выступлении левых эсеров против большевиков в июле 1918 Штейнберг не участвовал — был в это время в Швейцарии, работал в еврейской организации помощи жертвам войны. Это спасло ему жизнь. Подавив восстание, большевики объявили партию левых эсеров вне закона. Узнавший об этом Штейнберг тут же вернулся и изо всех сил пытался легализовать ушедшую в подполье партию. В феврале 1919 Исаак Захарович был арестован органами ВЧК — его продержали в заключении 4,5 месяца, после чего всё же отпустили, настоятельно рекомендовав уехать из России.

Он последовал совету своих политических врагов лишь в 1923-м — выехал за границу для работы в Венском Интернационале, после чего ВДЦК лишил его советского гражданства, и возвращаться ему стало некуда. В итоге Штейнберг обосновался в Берлине. Вместе со своим товарищем по партии эсеров — философом Александром Абрамовичем Шрейдером — основал издательство «Скифы». Сам по большей части писал в то время на идише. После прихода к власти нацистов Штейнберг уехал в Лондон. Там в июле 1935 он стал одним из создателей лиги «Свободная земля», сфокусированной на поиске территории, которая могла бы стать убежищем для спасающихся от нацизма евреев. Сам Штейнберг горячо верил, что такой землёй могло бы стать плато Кимберли на северо-западе Австралии.

В 30-х годах это плато принадлежало трём австралийским семьям, которые готовы были продать свои 28 тысяч квадратных километров земли. По расчётам Штейнберга, этого бы вполне хватило для размещения 75 тысяч еврейских поселенцев. Идею поддержали видные представители искусства и науки. В том числе Альберт Эйнштейн. Дело оставалось за австралийским правительством. И поначалу они были благосклонны — так, уже в 1938 г. пообещали принять в страну как минимум 15000 еврейских беженцев. Однако вскоре власти Австралии изменили свою позицию. В страну за все годы войны в итоге разрешили въехать только 7000 евреев.

Что касается плана «Кимберли», то в июле 1944 премьер-министр Австралии Джон Кертин официально заявил Штейнбергу, что «правительство отклонило предложение ввиду традиционной политики в отношении иностранных поселений в Австралии». Несмотря на отказ, Штейнберг вплоть до 1948 г. не прекращал попытки реализовать план «Кимберли». Он потерял к этому делу интерес, лишь дождавшись появления Государства Израиль.

Умер Исаак Штейнберг в 1957 г. в Нью-Йорке. Его сын Лео стал знаменитым в Америке искусствоведом, дочь Агла — востребованным переводчиком и популярным журналистом.

Алексей ВИКТОРОВ.

Счастливые „туфли Брижит Бардо“

На третьем курсе студентка МГУ Соня выходила замуж. Шёл 1968 год. В моде битловско-хипповый минимализм. А потому образ для дворца бракосочетаний виделся следующим: простое белое платье, подходящее и для обычной жизни, а к нему туфли-лодочки. Платье удалось выбрать в магазине „Гименей“. А вот туфли были приобретены на Кубе. Точнее, на Кубинке – ударение на второй слог – Бакинском квартале, где в советское время из-под полы продавали, практически, любой дефицит.

На каникулах незадолго до свадьбы Соня съездила к родителям в Баку. Собрались родственники. Пришёл и друг семьи дядя Мотя. Из глубокого кармана плаща он извлёк белую кожаную лодочку 36 размера. Благородство её происхождения недвусмысленно подчёркивали всего две золотые буквы на стельках. Буквы, способные вызвать экстаз даже у современных женщин, не говоря уже о советских – „CD“.

Christian Dior, Франция, – с торжественной скромностью сообщил дядя Мотя. – Достал через одного деятеля на Кубинке. Просил его, чтоб были как у Брижит Бардо в фильме... Ну, ты его смотрела... Это тебе на свадьбу от нас с Марой.

Через полчаса пришла и его жена тётя Мара – принесла второй туфель. Туфли действительно оказались замечательные. Удобные, не говоря уже о том, что элегантнее. Dior всё-таки.

Соня благополучно вышла замуж. А дальше одолжила туфли на свадьбу соседке по общежитию Миле. Потом Свете... У Сони эти туфли просили на первые свидания, защиту диплома. Неожиданно, они приобрели славу счастливых. Ни один брак, в который невеста вступала в „тех самых туфлях Брижит Бардо“ не распался – в отличие от многих иных, заключённых в те же годы. А потому спустя много лет эти туфли у Сони продолжали одалживать и одалживать. Нога значения уже не имела – их как башмачок Золушки натягивали и на 38, и даже на 40 размер. Главное было постоять в них в ЗАГСе. На счастье.

В этих лодочках выходили замуж и последующие поколения. Дочери тех самых подружек Сони из университетского общежития. Счастливые туфли увозили из Москвы в другие города Союза. Пару раз в 1990-х и 2000-х отправляли и возвращали из США.

Простые белые лодочки оказались вне времени и моды. Конечно, они разносились, потёрлись, но держались. Наконец, спустя 50 лет, в 2018 году, туфли понадобились уже внучке Сони. К тому моменту семья жила в Хайфе. Соня достала коробку. Потёртая кожа. Скобленая колодка, растянутые и одновременно смятые задники. Зато чётко проглядывающие золотые буквы CD на стельках.

„Надо б хотя бы колодку укрепить и набойки сделать“, – решила Соня. Она направились в ближайшую к дому обувную мастерскую, где по уверениям соседней работала русскоговорящая.

В небольшом помещении шуровали двое мужчин. По-русски они не понимали. Впрочем, сделав успокаивающий жест, позвали кого-то из подсобки. Оттуда вышел старик на вид явно за 80 лет.

– Чем могу служить, мадам? – приветствовал её с неподвластным ни времени, ни месту лёгким кавказским акцентом.

Этакий ироничный старик еврей, как из советской мастерской.

– Мадам последние полвека лет носит исключительно Dior. И хотела б носить следующие полвека, – Соня выложила перед ним туфли.

Сапожник взял обувь, повертел в руках. Потом полез в карман за очками. Его лицо вдруг стало серьёзным, как у хирурга на операции:

– Где вы приобрели эту замечательную обувь?

– Ох, это длинная история, – вздохнула Соня и рассказала о счастливых „туфлях Брижит Бардо“.

Дослушав до конца, старик засмеялся:

– А ведь и я тоже бакинец. С 1989 года здесь... Когда у вашей внучки свадьба?

– Через три недели.

Старый еврей задумался. Показав на туфли, что-то сказал на иврите другим сапожникам. Те, бросив свою работу, подошли рассмотреть.

– Набойки, задник – это всё, конечно, сделаем быстро, – сообщил Соне старик. – Но знаете... Это не Christian Dior.

– Почему вы так решили? – удивилась Соня.

– Потому, что когда вы зайдёте через неделю, получите точно такие же. Новые. Бесплатно. И они снова прослужат полвека. Разве что золотая краска сотрётся раньше – такого состава, как в 1960-х сейчас не найти. Будет мой подарок на свадьбу вашей внучке. Инициалы „CD“ означают „Савик Дайце“.

Яков и Роза: Падение

– Таки здравствуйте, пан Яша. Как ваш гастрит?

– Мадам Роза, или мы с ним рады вас видеть! Это такое счастье, что моё сердце хочет вырваться из груди и порхать под потолком, как пришибленная птица.

– Пан Яша, держите ваше сердце в его отведённом помещении, зачем мне птица над головой, у меня новая шляпка. Если вы хотите порадовать опытную женщину, так отставьте в покое распухать внутренние органы и предложите что-то неожиданного.

– Мадам Роза! Таки у меня есть показать вам такое предложение,

что отказаться от посмотреть и потрогать будет сумасшествием.

– Ах, пан Яша, порядочная женщина разве может позволить себе такое удовольствие?

– Об чём вы говорите, мадам Роза? Выбросьте из головы переживать за моральный облик и дайте волю своему желанию.

– Пан Яша, я таки с интересом взгляну на ваше предложение и даже охотно его пощупаю, но что я скажу мужу, когда он расстроится?

– Почему он должен расстроиться, мадам Роза? Или пан Додик не видит этих шикарных форм лучше всех нас? Весь город спит и видит, а он не видит?

– Вы таки думаете, что он не будет против? И что если он таки да будет против, то мне отыщется что сказать ему за его скандальный характер?

– Мадам Роза, я таки уверен, что на этом характере не останется живого места, если он только подумает против.

– А мне потом не будет жалко за мою доверчивость и безотказность, пан Яша?

– Вы таки меня обижаете. Или я хоть раз обманул ожидания женщины?!

– Боже мой, пан Яша, моё сердце уже бьется так сильно, что слышит весь город. Не томите, показывайте ваше предложение.

– Ах, мадам Роза, не дышите так часто, уже совсем не надо меня больше уговаривать. Я же иду вам навстречу всем моим целиком и полностью, не взирая на ваши... целлюлит и полноту.

– Боже упаси! Или я не понимаю за роскошью.

– Пан Яша, таки хватит слов.

– Смотрите сюда, мадам Роза, и начинайте широко улыбаться. Прочь покровы. Внимание! Сейчас...

– Пан Яша, если у вас и там птичка, то я уже не сильно удивлюсь, но моё горе не будет иметь границ, так себе и знайте.

– Вуаля!

– Ой, мне плохо!

– Что мы имеем сказать за форму?

– Ой, я сейчас умру! Что можно сказать за такую форму? Это ж таки форма!

– А что вы имеете сказать за размер?

– Ой, я больше не могу! Что можно сказать за этот размер? Это ж таки размер!

– Так у этого скромного пана есть, что хочет женщина и вам всем нечего сказать за наоборот?

– Пан Яша, что ж вам не стыдно доводить больную женщину до приступа!

– Слушайте сюда, мадам Роза, и не брешите себе – или это можно не хотеть?

– Ах, пан Яша, вы заставляете меня забыть за здоровый цвет лица. Эта багровая бледность таки вся на вашей совести.

– Нет, конечно, мадам Роза, вы можете заставить себя отказаться от счастья, которое само стоит на вашем горизонте.

– Вы способны уговорить камень, пан Яша, что уже сказать за слабую женщину. Пускай это аморально, но я не имею сил не пойти у вас на поводу. Давайте же скорее где раздеться!

– Святые слова, мадам Роза, и пускай ребе Изя гонит меня из синагоги, если вы хоть на секундочку пожалеете о содеянном.

И галантерейщик Яков повернулся к помощнику:

– Дина, золотце, помогите мадам Розе примерить этот французский пеньюар и нехай пан Додик бросит в меня камень, если каждый мужчина в нашем городе не мечтал бы видеть свою цыпочку в таком кляре.

Выход

– Скажите, уважаемый Беня, – Ривка, владелица самого дорогого ювелирного магазина и одна из самых красивых женщин города, вальяжно расположилась на лежаке. – Почём стало бы одному хорошему человеку шоби один очень хороший человек пошёл ночью в гости до одного ховсем нехорошего человека?

– Мадам Рива, я не вижу на билеты, – Беня безразлично скользил взглядом по пляжникам. – Закругляйтесь размазывая кашу и давайте цимес.

Ривка придвинулась поближе и понизила голос:

– Ах, пан Беня! Или я не понимаю за метод иметь деловую беседу с одним очень хорошим человеком! Слушайте сюда, сейчас вы будете рыдать за людскую подлость. Один очень нехороший человек... не будем кричать имён, тем более шо Мотя это ещё вопрос или имя... так вот он торгует драгоценностей за такие низкие цены, шо мы с вами скоро пойдём по миру. Как вам это нравится?

Беня решил проконсультироваться с коллегами.

– Как нам это нравится? – спросил он.

– Это демпинг, – заметил образованный Додик, загорающий на подстилке рядом с лежаками. – Мадам Рива имеет порадовать нас демпингом.

– Натурально демпинг, – поддержал друга Йося. – Браво, мадам Рива.

– Не ожидала от вас такого жаргона, Додик! – обиделась Ривка. – А ещё из такой приличной семьи.

– Глядя на вас, мадам Рива, мне неожиданно хочется блеснуть какой-никакой эрудацией, – галантно выкрутился тот.

– Пфф! – Ривка прищурилась. – Глядя на меня, у каждого поца в

Еврейская майса

этом городе такая эрудация, шо делается страшно за прирост населения. Хоть вы, Додик, будьте выше этого. Берите пример с пана Бени.

– Я дико извиняюсь и совсем не эрудит, – задумчиво проговорил Йося. – Но имею думать, Додик, шо вас с Беней только шо причесали.

– Форм без совести и языка без костей. Праздник, – согласился Беня, – но я настойчиво интересуюсь обратно. Чем это дело, за которое нас причесали, вредит нашему карману, мадам Рива?

– Ну как же, пан Беня, пока этот Мотя, будь он неладный, так на так торгует за пшик, приличные люди теряют клиентуру, из которой идёт профит, из которого идёт шансов, шо вы однажды ночью навестите хороших людей по вашим личным делам, до которых мне нет никакого дела. Так я скажу вам, как родной маме – между знать шо вы никогда не придёте и бояться, шо вы вот-вот нарисуетесь, я предпочитаю обеспеченное второе.

– И шо мне надо сделать, шобы ваше светлое будущее наступило немедленно? – поинтересовался Беня.

– Вот теперь мы говорим, как деловые люди, а не задрипанные курортники! – обрадовалась Ривка. – Идите подполните контору этого Моти и идите бекицер, потому шо все мы становимся беднее с каждой минутой этого гарמידера. Соглашайтесь, давайте. Назовите цену и даже не стесняйтесь, я всё равно буду торговаться пока вы не охрипнете.

Беня повернулся к товарищам.

– В словах мадам Ривы есть здравого смысла или я перегрелся?

– Его там нивроку и этого нельзя не видеть, – пожал плечами Додик, откровенно любясь Ривкой. – Но меня мало радует, шо из гоп-ателье мы рискуем превратиться в ломкооператив. Беня, это подряд, а на подряд работают биндожники. Я имею полагать, шо это профанация.

Ривка возмущённо засопела. Йося положил руку другу на плечо.

– Додик, не тошни мадам на нервы. Если эта твоя эрудация не перестает бить тебе в голову, – тихо заметил он, – то нежные формы мадам Ривы в грубой форме устроят тебе профанацию между там прямо среди здысь. Как тебе кажется?

– Банан вам, – спокойной ответил тот. – Профанация и есть – делать за башли то, шо душа желает делать за голую любовь.

– Та боже мой, Додик! – Ривка даже привстала от воодушевления, – Сделайте доброе дело за здорово живёшь, если это таки да успокоит ваше чувство прекрасного. Или вы наоборот хотите море любви?

– Он таки хочет, – усмехнулся Беня, устремляя взгляд в небо. – Но он таки помнит, шо за вашей незабываемой спиной, мадам Рива, стоит одной приличной репутации и пяти удачных браков, которых никому не удалось пережить. Не зовите миня большей Беней, если в вашем редком случае здорово живёшь моментально тонет в этом нашем море любви, как шлимазл на лимане в час отлива.

– Знаете шо, пан Беня? – Ривка закусила губу. – Можете хохотаться до зелёных венчиков, но шоб вы себе знали... если мой сейф уже завтра даст вам дуло, вы и ваши гаврики можете кусать себе свои локти на брудершафт. А я окажусь на панели, где вам, Додик, уж точно не светит на шару.

– Слушайте, из вас Софокл, как из миня царица Тамар, – пожал плечами Додик.

– Я сделаю это дело, мадам Рива, – Беня впервые посмотрел на женщину. – Я сделаю его так, шо вы будете плакать от радости и целовать мне руки.

– Пан Беня, не дайте сдохнуть через любопытство, поделитесь своих планов! – заломила руки Ривка. – Видит бог и ваших этих двух свидетелей, шо я готова на всё за ради нашего с вами гешефта.

– Ша, мадам Рива, – Беня встал с лежака, показывая, что разговор закончен. – Будем считать, шо я дал вам понять, а вы схватили на лету и тикаете с наваром. Гарантирую главное – этот день ещё не выйдёт на нет, а контора Моти уже таки да.

Когда Ривка удалилась, Додик обратился к Бене:

– Так мы лопим эту контору? Или делаем морду „а шо такое“ и тыняемся дальше? Или ты видишь других вариантов?

– Как поимела выразиться Ривка, я вижу „двух этих свидетелей“, – Беня весело поглядел на товарищей, – и придумал чудный фильдеперс. Налёта не будет. Я просто сделаю визит до этого пуцера и выложу таких предложений, шо отказать станет ему полный шванц для здоровья. А вы сейчас ходите до ресторации мадам Дины и назначайте банкет.

– За шо гуляем, я таки цикавый? – спросил Йося. – Тоже мне было б шо отмечать...

– Сегодня вечером, – кивнул Беня, – мадам Рива выйдет замуж за этого чиканутого Мотю. Нам вско-разно сплошной профит, так нехай себе победит сильнейший.

Уважаемые подопечные ЧОБЕФ „Хэсэд Дорот“!

Для оказания вам любой благотворительной помощи, мы должны собрать документально подтверждённую информацию о ваших доходах. Пожалуйста, в срок **до 1 октября 2023 года** сдайте куратору Хэсэда в вашем городе или пришлите по почте (18010, г. Черкассы, ул. Б. Хмельницкого, 66) следующие документы:

1. **Справку из Пенсионного фонда** о размере вашей пенсии (и/или пенсии супруга/и) за **июль 2023 года**. Это касается и случая, если брак не зарегистрирован. Если вы получаете пенсию на карту Приватбанка, то можно взять **справку о размере вашей пенсии в банке с печатью банка** (в том числе сформировать справку в приложении **Приват24**)
2. Для тех, кто работает, необходимо сдать **справку о размере зарплаты, включая июль 2023 года, с указанием сумм налогов (подходного и военного сбора) для определения дохода „на руки“**. В случае, если вы (и/или супруга) работаете периодически, но документов о доходах предоставить не можете, то необходимо написать **заявление на имя директора ЧОБЕФ „Хэсэд Дорот“** Дмитрия Спиваковского с указанием рода занятий и среднемесячного дохода.

Социальные услуги для подопечных (жертв нацизма) Хэсэда предоставляются при поддержке гранта от „Конференции по материальным претензиям еврейского населения к правительству Германии“.

Наши спонсоры: Еврейская Федерация Большой МетроВест Нью-Джерси и Международная общественная организация Центр „Джойнт“.

Уважаемые читатели!

Продолжается подписка на газету „Инэйнем“ на 2024 год!

Если вы хотите, чтобы свежий номер нашей газеты приносили к вам домой, в ваш почтовый ящик, обращайтесь в редакцию газеты.

Не откладывайте на потом. Приходите сейчас!

Газета „Вместе“. Учредитель – Черкасский областной благотворительный еврейский фонд „Турбота поколений – Хэсэд Дорот“.

Редактор М. Тайбишлак. Компьютерная вёрстка – М. Тайбишлак, П. Тайбишлак. Свидетельство о регистрации ЧС №294 от 24 ноября 2000 г. Адрес редакции: 18015, Черкассы, ул. Б. Хмельницкого, 66. ☎ (0472)37-70-79, 54-41-48; 54-43-11. e-mail: ineinem20@gmail.com http://hesed-dorot.ck.ua Отпечатано в типографии г. Чернобай. Тираж 800 экз. Подписной индекс 90781.

При перепечатке материалов ссылка на газету обязательна. Распространяется бесплатно.

Просьба обращаться с этим изданием аккуратно – в нём приведены слова Торы.